

— Ответьте мне, Сервантес и Доре, почему так жалко рыцаря из Ламанчи, зачем порок так царственно заманчив и почему нет радости в добре?..

В твоих губах цвёл сладостный ответ: — Лицо любимой излучает свет, а харя зла, темна и безобразна.

Борис Чичибабин.
«Сонеты любимой»

«Когда я заглядываю иногда в зеркало, то теряюсь в догадках, как назвать то мерцающее из его глубины уже бесполое существо, которое с недоумением и дрожью смотрит на меня с той стороны зеркального стекла: лицо или харя? Или это одно Оно, любимое и безобразное до слёз, жизнь, становящаяся смертью?»

«Я становлюсь смертью» — вот как следовало бы озаглавить эти мемуары старого и немощного шимпанзе, предки которого (Боже, я уже пишу о себе в третьем лице) жили на юге Африки, в долине реки Лимпопо, всё ещё несущей свои воды в Индийский океан, — как писал Корней Чуковский: «где гуляет Гиппопо по широкой Лимпопо», — откуда они и пожаловали, вероятно, с лёгкой и доброй руки доктора Айболита в один из гостеприимных российских зоопарков. Но «воображаемая цель» для меня важнее, ибо для существа творческого она — увлекающая его целью страсть, а страсть художника сильнее смерти.

Не склонные усложнять бытие и сознание весёлые отцы комедии «Она вас любит» называли меня, не мудрствуя лукаво, Марусей.

Георгий Михайлович Вицин, игравший в ней заведующего отделом хищников и обезьян местного зоопарка Константина Петровича Канарейкина — научного сотрудника! — гонялся за мной по просторам прилегающих данному ландшафту бескрайних оградений с градусником, а словив, сокрушался, привнося в своё сокрушение дух античной трагедии, что теперь это верная анги́на!

Своей жене, Тамаре Фёдоровне, он писал из Киева, где снималась комедия, шаловливые письма — дело было молодое, — что живёт он в гостинице с Маней, «привыкаем друг к другу», что полёт проходит нормально и скоро мы прилетим к ней домой, но ты, мол, не ревнуй, потому что «она нас любит...»

Иссякает наполненность — иссякает и жизнь. Думала ли я в те счастливые 50-е годы, что переживу своего любимого партнёра Георгия Михайловича Вицина?..

Его любила не только я. По сюжету комедии его любила студентка Саратовского университета Ольга Цветкова — девушка с обложки «Огонька» — Инна Кмит. Любила верная помощница, перешедшая от любви к нему из билетёров в отдел хищников и обезьян — Лидия Сухаревская... А по сюжету жизни любила уже тогда вся страна.

Картин тогда было раз-два и обчёлся, а он уже сыграл Гоголя в двух фильмах —

жной верой, а человек посмотрит в глаза зверя с любовью и волнением. Как будто бы встретились два друга в масках и смутно друг друга под ними узнали...»

Значит, не время, думала я, предопределило нашу встречу: эти строчки писались в 1912 году, когда младенец, посланный Богом его матери под именем Гоша Вицин в году 1917-м месяца апреля 23-го дня, ещё не родился. И коли киевская Довбычка не родина бенгальских огней — значит, и не место. Лишь провидение остаётся рукою тех сил, которые столкнули нас в этой встрече, осуществив тем самым неведомый нам самим замысел Бога.

В чём состоял этот замысел, я могу только гадать. «Как будто бы встретились два друга в масках...» Нет, Вицин, как и чуждавшаяся корчить рожи и я, не избирал для своего актёрского лица никакой формулы лицедейства и для своего актёрского образа не искал никакой маски вплоть до встречи с Леонидом Гайдаем. «Он не был труслив, — говорила о нём жена, вспоминая время съёмок нашего фильма, —

ВООБРАЖАЕМАЯ

он был азартный... Безо всяких дублёров он нёсся на акваплане, прицепленном к моторке по затоке Днепра, загонял в клетку льва, поднося к его пасти любимое им лакомство, и даже не успел испугаться, когда ощутил на своей ладони его жгучий, как блин со сковородки, язык...»

Тогда на съёмки, на свою первую в жизни роль певца Ухова, приехал из Москвы выпускник Щукинского училища Саша Ширвиндт в обществе очаровательной студентки второго курса архитектурного института Наташи Белоусовой, которая стала впоследствии его женой. Наталья Николаевна была свидетелем гуманитарной акции по подъёму боевого духа артиста Вицина как раз накануне этой исторической съёмки по загону в клетку киевского льва. Автор сценария Владимир Поляков, сидя в гостинице «Москва» на Крещатике, сочинял на её глазах любовное письмо артисту от неведомой ему Музы, объявлявшей себя в первых строках своего письма его страстной поклонницей до гроба!

Далее письмо гласило: «Вас я буду ждать возле памятника Богдану Хмельницкому со стороны хвоста лошади. Меня вы узнаете по пышному бюсту и значку парашютиста 3-й степени на нём. Твоя Клава».

«Я уже почти поверил, — сказал Полякову на другой день после смертельной схват-

ЦЕЛЬ

бакалавра Самсона Карраско. Именно он, облачившись в доспехи Рыцаря Белой Луны, вызывал Рыцаря Печального Образа на смертельный поединок с одним великодушным условием: в случае поражения последнего — оставить свои безумные затеи и никогда больше не брать в руки оружия. Карраско побеждал, выбивая уже обессиленного подвигами рыцаря из седла его Росинанта своим метким копьем, не причинив ему ни малейшего вреда!

— А как у вас с величием души? — спрашивал один советский поэт.

Вицину, как никакому другому артисту, Бог дал талант выразить в своих героях этот редкостный дар величия души. Начав с Гоголя, с его двух образов высокой пробы, он пошёл с этим даром в народ, и в характерах людей из народа он обнаруживал то, что было видно только в Гоголе и что кратко сформулировал Юджин О'Нил: «Художнику всегда должно быть больно». И это сказанное он сделал видимым в «Запасном игроке», где его Вася Веснушкин играл свою роль за брата, заблуждённого «звёздной болезнью», и была в этой игре такая пронзительность, какую не наиграешь, не неся её огонь в собственной душе. Огонь этот ярко пылал в душе Кости Канарейкина и мерцал и вспыхивал, и вспыхивал и мерцал в душе Миши Бальзаминова.

Татьяна Георгиевна Конюхова, игравшая возлюбленную его героя Валентину, представительницу художественной гимнастики в «Запасном игроке» и многорукую Химку в сонном царстве спунов-брательников, стерегущих томлящихся в отсутствии любви и смерти сестриц в «Женитьбе Бальзаминова», называла это мастерством ювелира: «Интонация, или жест, или походочка — точно! И всё это в одном человеке!» Точно, если не зевнуть, что брильянты он гранил из собственных минералов.

Характер человека формирует пейзаж, в нембе которого он родился. Во времена рождения «Бальзаминова» ещё одержимая жизнью Таня Конюхова влетала по утрам в гримёрную этого Исполнителя Своей Роли и видела, как он с удивлением вздымал на неё чёрные крылья своих бровей и, никогда не учивший никого жить, тихо советовал:

— Пробуждайтесь утром и говорите себе: «Спокоен, весел, счастлив». И на ночь... И так 25 раз.

И там же, тогда же, в Суздале, режиссёр Константин Воинов сердился на этого Исполнителя, не успевшего за солнцем на съёмках во дворе дома Бальзаминовых... — Гошка, ну, йог твою мать!

— Ну, ничего, Константин Наумич, — философски отвечал йог. — Сегодня будет солнце, и завтра, и мы с вами уйдём, а оно всё будет светить...

Помните, что говорила Тамара Фёдоровна?

— Ему всё нравилось...

Я вижу исполнителя этих метаморфоз родившимся на лоне финского пейзажа в хуторской деревушке, где все были Вицины, хотя чья-то близорукая рука записала в

скрижалах истории, что родился он в престольной столице царской империи городе Петрограде.

Его мама приехала к его отцу, родила там ребёночка и вскоре вернулась с ним в Москву, оттого что папе нужно было идти на фронт, откуда он вернулся, отравленный газом... И поскольку они стали в Москве «почтамтскими работниками», то поселились в живописном московском уголке на Чистых прудах возле Почтамта, «в сенях» почтамтского двора, там, где Кривоколенный переулок через проходной двор смыкался с Мясницкой.

Окна третьего этажа их «фонарной комнаты» большого коммунального шеститрёхэтажного дома и по сей день глядят во двор и невидящими глазами избавленного от жильцов мрачного сооружения, похожего на взятый штурмом и опустошённый туристическими компаниями рейхстаг, с неммым укором созерцают жалкий золотушный скверик с высохшим дном фонтана, из которого, стоя по стойке «смирно» на хвосте, собирается взлететь в небо закинувшая в него голову слепая русалка, провожаемая застывшим в той же стойке с окаменевшими от ужаса глазами львом...

Из этого двора шестилетний Гоша Вицин ходил на Чистопрудный бульвар, как на работу, в Дом пионеров, в детскую группу театрального кружка, и играл там царя... «Я играл хорошего царя!» — с чувством вспоминал он на закате своих дней.

Ослабленный физически ребёнок — у него косточки болели — так одержимо утолял свою жажду духовного роста, что сразу поднял вес, достаточный для поступления в студию Николая Павловича Хмельёва, училище Художественного театра и Театра имени Ермоловой, актёром которого он оказался уже в двадцать лет, ещё до войны.

Это чувство исполняемой им сакральной миссии хранят ныне в своём каменном сердце разве что два «ветхозаветных храма» — Феодора Стратилата и Архангела Гавриила в Архангельском переулке, мимо которых он носил его «на работу» в Дом пионеров.

Когда-то Джигарханян выступал на концерте перед публикой. Выступал-выступал, выступал-выступал... «Ну, что бы вам ещё сделать?» — наконец спросил он. И тогда встаёт какой-то простой человек из зала и говорит: «Ну, вы же артист, да?»

— Да...

— Ну, перекувырнитесь.

Вот вам и ответ на сакраментальный вопрос, что народ на самом деле ждёт от артиста. Я увидела себя среди этой публики на руках у Вицина и что-то родное пахло из зала в моё волосатое лицо, становящееся харей...

После смерти моего любимого Исполнителя у меня не раз было искушение снять трубку и позвонить Тамаре Фёдоровне: а вы помните Марусю, о которой вам писал из Киева Георгий Михайлович, что «она нас любит...». Так кончался наш фильм — сценой на вокзале, на который опоздал к уходящему поезду Константин Петрович Канарейкин...

— Товарищи, скажите ему, что я люблю его! — кричала Оля Цветкова под стук вагонных колёс, — Вон того... в очках.

Носильщик: «Гражданин, она вас любит».

Милиционер: «Гражданин! Имейте в виду: она вас любит».

Старушка: «Сыночек! Да ведь она тебя любит!»

Дежурный: «Товарищ провожающий! Из шестого вагона просили передать, что вас любят. Дежурный по станции Волков».

Тамара Фёдоровна, добрая женщина, и я уже слышу звук её голоса, с огромными паузами, долгий и тихий, как из глубины: «Я всё лежу после смерти Георгия Михайловича... Я подарю тебе его книги, «дубли» переизданий, которые он собирал на старости лет... Я думаю, тебе будет приятно. Я отдам тебе его Мальчика, которого мне уже трудно выводить с девятого этажа... а он страдает...»

Я представила себе, как старая и немощная шимпанзе ведёт на поводке прыткого пятилетнего пса... и вдруг он вырывается и бежит в поисках своего единственного друга...

Нет, звонить мне так же тяжело, как ей тяжело слушать...

Маруся отложила книгу и взяла в руки зеркало.

На этот раз она долго не могла оторвать от него лица. По её морщинистой щеке скатилась чёрная африканская слеза, и можно было подумать, что если она выплывает из себя всю горечь своего горя, то превратится в ослепительную голубку.

Положив зеркало на книгу, она вытащила наконец из-под лежанки детский игрушечный пистолет...

Она приставила пистолет к виску и, глядя ещё раз на притаившийся за клеткой телефон, нажала на курок.

Прогремел выстрел, и в «люксе» запахло гарью.

Видно, из пистолета давно не стреляли.

Юрий ПОЛЕНОВ-КОРШАК

На снимках: кумир ушедшей эпохи Георгий Вицин

«Композитор Глинка» в 1952-м и «Белинский» — в 1953-м, Васю Веснушкина в 1954 году в «Запасном игроке» и сэра Эндрю в «Двенадцатой ночи» — в 1955-м.

И вот тут в лето, если мне не изменяет память, 1956 года, как бы сойдя с корабля Шекспира на пляж правобережной затоки Днепра, зоны отдыха Довбычка в Киеве, я и была представлена Георгию Михайловичу руководством местного зоопарка.

— Гоша, — тушуясь, сказал он, — Маня, — стыдливо ответила я, потеревав ладошку о место, замыкающее спину, и протянула чёрную волосатую руку.

«И однажды в какой-то музыке без слов пробудится вдруг неясное воспоминание, и зверь заглядит в лицо человека с не-

ки со львом Георгий Михайлович. — Я поверил бы ещё больше, будь она Маня, Аня... Но «Твоя Клава» — это уж слишком!..

И это при том, что «он ни на что не предъявлял особых претензий, — опять же вспоминала жена, — ему всё нравилось».

Комедия «негромких режиссёров» с «Ленфильма» Семёна Деревянского и Рафаила Сусловича «Она вас любит» впрорхнула на экраны, как бабочка, в 1957 году. В этом же году ворвался на них, гремя доспехами, и знаменитый «Дон Кихот» выдающегося режиссёра советского кино Григория Козинцева, где Георгий Михайлович играл эпизодическую, но во многом для сюжета «Дон Кихота» ключевую роль односельчанина рыцаря из Ламанчи, его душеприказчика,